

И.Л. Сизова

**«ИЩУЩИЕ РАБОТУ»: НОВЫЕ БИОГРАФИИ
И РИСКИ НА РЫНКЕ ТРУДА В РОССИИ**

I. Sizova

**‘JOB SEEKERS’: NEW BIOGRAPHIES AND RISKS
IN THE LABOR MARKET IN RUSSIA**

В статье приводятся основные выводы многолетних авторских исследований категории «ищущие работу» в российском и немецком рынках труда, выполненных с использованием качественных методов социологии. Особое внимание уделено проблеме трудовой мотивации неработающих лиц и оценке рисков в государственной политике регулирования социально-трудовых отношений. На основе анализа данных интервью с ищущими работу, руководителями районных отделений государственной службы занятости в г. Нижний Новгород, российскими и немецкими учеными экспертами выявляется общая либеральная тенденция в стимулировании занятости в России и Германии.

This report contains the main results of the author’s investigations of the “job seekers” category in the Russian and the German labour markets. The research lasted many years and was based on the qualitative methods of sociology. A special attention is given to the problem of involving the unemployed persons in work and to the evaluation of the risks in the state policy of the social and working relations regulation. On the base of the analysis of interviews with the job-seekers, the Nizhny Novgorod district job centers officials, the Russian and the German experts, the author exposes a common liberal tendency in stimulating employment in Russia and Germany.

Ключевые слова: *ищущие работу, рынок труда, привлечение безработных к работе, регулирование трудовых отношений, биографическое исследование.*

Keywords: *job seekers, labor market, involving the unemployed persons in work, working relations regulation, biographical research*

Регулирование социально-трудовых отношений и рынка труда в нашей стране — уже длительное время «провальная» область государственной деятельности, несмотря на кризисные проявления в экономике последних лет и заявления об отказе от модели «сырьевой экономики». Российский рынок труда продолжает функционировать в сильно деформированном виде. «Стихийность» рынка услуг, монополизация целых секторов хозяйства, высокая степень коррупции в рядах чиновников, отвечающих за развитие малых предприятий, огромный сектор низкооплачиваемого труда, который не является малоквалифицированным в «чистом виде», с одной стороны, а с другой — быстрое развитие востребованных на рынке атипичных форм и видов труда в отсутствие адекватного правового регулирования, доступной образовательной подготовки и социальной защиты работников. До сих пор обширным остается государственный сектор занятости, который, с одной стороны, сдерживает безработицу, но с другой, снижает предложение труда в регулярном (нестимулируемом) рынке и препятствует естественному движению рыночных сил (не только позитивных). Как следствие — слабо развивается социальный капитал работников, их мобильность, производительность труда, трудовые стимулы населения. Основным итогом такого развития представляет собой консервация огромной части трудовых ресурсов. И если в период перехода от плановой экономики к рыночной модели в 1990-е гг. это средство во многом было оправданным, в настоящее время это существенный тормоз на пути хозяйственного и социального развития страны. Параллельно государство стремится внедрить либеральные инструменты управления занятостью (Fruchtmann 2004), что оправданно с точки зрения тенденций развития мировой экономики, но вызывает сомнения в связи с ожидаемыми результатами объявленных государственных целей, например, Стратегии социально-экономического развития РФ до 2020 г.

В развитых странах популярной концепцией либерального управления рынком труда является доктрина «третьего пути» Э. Гидденса (Giddens 1999), в рамках которой в разных странах вариативно реализуется следующий комплекс мероприятий (Сизова 2008):

- отказ государства от роли авторитарного субъекта регулирования общественных процессов и передача части полномочий в руки иных акторов (децентрализация системы государственного управления и контроля);
- создание многосубъектной среды оферентов социальных услуг при контролирующей и координирующей роли государства;
- преобразование государства в инстанцию по распределению полномочий и общественных ресурсов;
- усиление государственной интервенции в структуры рынка труда и занятости, поскольку именно в этих сферах происходит накопление новых жизненных рисков;
- включение подавляющего числа трудоспособных лиц в процесс самообеспечения в целях их социальной инклюзии и благоденствия;
- принятие парадигмы «активизации» трудоспособных членов общества, предполагающей стимулирование, мотивирование и поддержание трудо-

вой деятельности за счет разработки инновационного инструментария в сфере регулирования социально-трудовых отношений;

- сокращение декоммодифицирующих (замещающих трудовые доходы) социальных программ/пособий, тормозящих интенсификацию процесса самообеспечения граждан;
- создание переходных рынков труда — систем, позволяющих ищущим работу и трудящимся быстрее адаптироваться к трудовой жизни, а также в полной мере раскрыть и реализовать любой (доступный) потенциал и стандартные потребности;
- модификация социального обеспечения в сторону адаптации к потребностям гибкого, быстро трансформирующегося рынка труда, в функции которого входят подготовка людей к трудовой жизни и их социальная защита;
- отказ от страхования безработицы в пользу «страхования занятости», стимулирование частного страхования;
- отказ от меритократических принципов финансирования социальных услуг и переход к их финансированию из налоговых средств на минимальном, базовом уровне;
- переадресация социальных и иных услуг семье/домохозяйству с целью усиления их репродуктивных, социальных и экономических функций.

Опыт реализации концепции «третьего пути» в 2003–2005 гг. в консервативной Германии (программа реформирования социально-трудовых отношений комиссии П. Хартца стала воплощением совместного программного заявления двух европейских лидеров Т. Блэра и Г. Шредера о стратегии развития Западной Европы) показывает, что подобные реформы приводят к усилению «принудительной» компоненты труда в политике занятости, сокращению трудовой мотивации, приумножению эффекта «выученной беспомощности» у тех, кто обращается за помощью в государственные службы занятости. Данная программа в большей степени сориентирована на соблюдение интересов групп инсайдеров на рынке труда, т. е. уже включенных и хорошо интегрированных работников, основных налогоплательщиков, с одной стороны, а с другой — соответствует требованиям работодателей и в целом бизнес-сообщества. В ходе реформ основной стратегией борьбы с безработицей и незанятостью стала «политика активизации», в рамках которой обращающиеся за помощью в государственные инстанции граждане, исчерпавшие свои права на выплату пособия по страховке, автоматически приписываются к категории «ищущих работу». К ним все чаще применяются разнообразные практики так называемого негативного стимулирования: рестрикции при доступе к услугам/пособиям, санкции к нарушителям правил, селекция клиентов на группы востребованных и невостребованных на рынке труда. В результате государственная стратегия в сфере управления социально-трудовыми отношениями стала больше напоминать систему «управления бедностью», чем стратегию «управления трудом», поскольку предметом активности государственных ведомств во все возрастающей степени становятся лица из социально уязвимых слоев населения, которым из госбюджетных средств предоставляются минимальные («бедные») и неэффективные услуги.

Для сравнения положения ищущих работу в России и Германии автором были проведены следующие исследования (Сизова 2009; 2010; 2011):

- реконструкция процесса и этапов реформ в области социально-трудовых отношений в Германии на базе анализа данных групповых дискуссий с ведущими немецкими учеными экспертами в области политики занятости, 2007 г. (четыре раунда дискуссий с экспертными группами сотрудников Института труда и квалификации (Гельзенкирхен), Института хозяйственных и социальных исследований (Дюссельдорф), Исследовательской организации по изучению рынка труда (Берлин), университета Дуйсбург-Эссен (Эссен);
- выявление групп безработных, имеющих особые проблемы в трудоустройстве, и объяснение причин незанятости/неустойчивой занятости на базе анализа данных полуформализованных биографических интервью (n=32) с безработными, состоящими на учете в ГСЗН Ленинского района г. Нижнего Новгорода (2010 г.);
- кризис и модернизация социальной политики в России на основе контент-анализа выступлений в прессе и публикаций ведущих отечественных ученых (социологов, экономистов) 2009–2010 гг. (2010 г.);
- проблемы и неэффективные практики управления занятостью на основании обработки данных экспертных интервью с руководителями районных отделов Государственной службы занятости населения г. Нижний Новгород (2011 г.).

В настоящее время в России складываются новые, дискретные трудовые биографии, отличающиеся от традиционного представления о социальных ролях и ожиданиях в отношении жизни взрослого трудоспособного человека. Серьезные проблемы связаны с непостоянно занятыми и длительно безработными людьми. Их положение в России, хотя и с некоторым опозданием, приближается к ситуации в развитых странах: *«...я могу сказать, что появились значительные социальные проблемы, обостряющиеся из года в год. ...Расширяется круг лиц, которые иногда работают, иногда нет, они не являются действительно защищенными, действительно интегрированными, стабильно работающими, но этих людей трудно выделить из общей массы»* (доктор А. Вагнер, руководитель Исследовательской группы по изучению рынка труда, Берлин). Основная причина маятникового движения подобной группы на рынке труда в Нижнем Новгороде — некомфортная, неадаптированная к труду биография. Включение в занятость и / или укоренение в трудовых отношениях становятся невозможными в силу добровольного отказа от труда, маргинализации (девиантного поведения), снижающей готовность к труду, негативного трудового опыта (например, множественных увольнений или отказов в найме) или сложных семейных обстоятельств. Такие причины можно назвать *«биографически противоречащими»* или даже исключаящими трудоустройство и социальную интеграцию. Важно отметить, что большинство безработных, зарегистрированных в нижегородской службе занятости, относятся к социально уязвимым слоям населения. В ходе авторского исследования были выделены следующие группы лиц, имеющие особенные проблемы в трудоустройстве:

- лица без квалификации или с незначительным общим и профессиональным образованием;
- лица с ограниченными возможностями и родственники, осуществляющие уход за больным членом семьи;
- лица, имеющие алкогольную и / или наркотическую зависимость;
- женщины, имеющие на попечении маленьких детей;
- бывшие осужденные.

Основные причины безработицы среди вышеназванных групп:

- 1) семейное положение (наличие детей, развод, злоупотребление алкогольными напитками, наркотическая зависимость, болезнь или смерть близких, необходимость осуществления ухода за родственниками);
- 2) болезнь (в т. ч. провоцируемая неудовлетворительными условиями труда);
- 3) возраст, положительно коррелирующий с осложненными семейными обстоятельствами;
- 4) отсутствие у безработных требуемых компетенций или неверие в собственные силы;
- 5) низкая квалификация, имеющая особенное значение при проблеме текучести кадров;
- 6) ошибочная или отсутствующая трудовая мотивация.

Одновременно типологический анализ данных интервью с безработными позволяет отметить наличие «самодетельных биографий» (Struенck 2003: 24): в жизни любого человека можно найти ситуации, никак не связанные с общественными (позитивными или негативными) изменениями. Если ранее считалось, что создание семьи, профессиональная деятельность и свободное времяпрепровождение сильно зависят от социального происхождения человека, то сейчас все чаще встречаются примеры свободного выбора образа и стиля жизни. Возможно, что на уровне исследуемых социально уязвимых слоев населения это может быть похоже на проявление специфического, в российских условиях, варианта дауншифтинга. Приведем типичный пример трудовой биографии.

Тамара, 50 лет. Муж Тамары зарабатывает хорошо, денег хватает, но он настаивает, чтобы жена нашла работу из-за будущей пенсии. Тамара уже не первый раз обращается в центр занятости: *«...через центр занятости устроилась кондуктором, но по состоянию здоровья пришлось уволиться. Из-за постоянного шума начало щемить сердце, врачи предупредили о возможном проявлении астмы. Я даже вывихнула ногу! Вроде кажется, простая работа, а ведь целый день на ногах, да и зарплата очень маленькая. Другие кондукторы сказали, что до повышения платы за проезд до 14 рублей всегда план выполняли и получали много, а сейчас план никак не выполняется...Да и дом я забросила с этой работой».*

В большинстве же случаев, как было показано выше, бездействие или пассивность лиц, зарегистрированных в службе занятости, — вынужденные.

В России политика помощи ищущим работу носит недифференцированный характер, она нацелена на преодоление неспецифических причин массовой безработицы. Государственные программы стимулирования занятости, государственная материальная помощь безработным, федеральные и регио-

нальные банки вакансий, предоставляемая информация не обращены к конкретному объекту, его индивидуальной и семейной ситуации. С этим соглашаются как зарубежные эксперты, так и российские ученые, признают руководители районных отделов государственной службы занятости. В современной теории эвалюации государственной политики на рынке труда весомым является вывод о том, что не все причины безработицы одинаково действительны для трудоспособных лиц, приходящих на рынок труда. Если для одних какие-то причины действительно важны, то к другим они не имеют никакого отношения. Таким образом, государственные программы должны быть обращены к определенным группам, а также преследовать конкретные цели (кроме общей, обозначаемой как снижение безработицы) (Schmidt, Zimmerman, Fertig, Kluve 2001: 19). Если учитывать цели политики занятости в России, оказывается, что во внимание принимается только обезличенная и далеко не полная статистика безработицы, при этом и данные, и программы остаются полностью равнодушными к тому, что случается с безработным (это действительно и для федерального, и для регионального уровня). Государственная интервенция носит диффузный характер: все средства хороши и одинаково применимы к любой единице в служебных документах — зарегистрированному безработному. В результате увеличивается слой немотивированных, не ищущих работу безработных, приходящих за пособием, отметкой или бесплатным направлением на образовательные курсы. Кроме того, общая статистика безработицы перегружена лишними данными. Об этом свидетельствуют немецкие эксперты: *«Я настаиваю, что безработица — это не естественно возникшая категория, она, можно сказать, “социально определяемая” категория... Я думаю, Россия в 1990-е гг. тоже имела проблемы, и хотя официальная безработица была низкой, множество работников предприятий, которые обозначались как занятые, при этом не получали зарплату. Так? ...Теперь в Германии есть опыт по определению безработицы. Ведь многие люди могут сказать: я болен, я не могу писать, я не могу считать, я не могу работать на компьютере или у меня нет водительских прав или самого автомобиля, и поэтому я вообще не смогу найти себе рабочее место... Один вариант — это использование принудительного труда... Другая возможность заключается в том, что если человек болен, он должен включаться в какую-то категорию и на этом основании получить легитимное право не работать. Но если человек может что-то делать, то он должен работать»* (доктор М. Кнутч, руководитель отдела по изучению государственной политики на рынке труда Института труда и квалификации, Гельзенкирхен).

По вопросу о мотивации к труду написано немало. В ретроспективе он имеет отношение к определению категории «ищущий работу», которая приходит на смену понятию «безработный». Содержательный анализ биографий индивидов, имеющих значительные трудности в трудоустройстве, указывает на имеющиеся в этом отношении проблемы. В науке (например, эвалюации) и в заявлениях экспертов доминирует убеждение о необходимости применения методов принуждения к труду или назначение санкций/ужесточение требований при признании человека безработным или в случае нарушения правил регистрации. Вот типичное мнение руководителя районного отдела службы за-

нятости: «...*есть вакансия “уборка лестничных клеток”. Почему-то все этой работы пугаются, легче получать 850 рублей в месяц ни за что... Да и зарплата там от 6 тысяч рублей — явно больше, чем 850 рублей. Если ты здоров, но у тебя такая сложная семейная ситуация, утром уберись и ты целый день свободен. Так что некоторые люди меня просто удивляют*».

Отбор участников государственных программ по стимулированию занятости в целом осуществляется в соответствии с критерием «может участвовать / не может участвовать», а дальнейшая селекция основана на предположении о потенциальном успехе участников после (или во время) реализации программы («сможет трудоустроиться /не сможет трудоустроиться»). Однако экономисты развивают интересную концепцию о «негативной производительности»: «... *Это человек, с которым что-то произошло... Это такой человек, на которого накладывается больше обязанностей, чем он способен выполнить... С этой точки зрения, длительно безработные являются “негативными производителями”. Для того чтобы получить работу, они должны пройти множество инструкций, получить значительную квалификацию, стимулы и пр., то есть больше, чем они в состоянии понять и сделать. Поэтому они не заняты... Это означает, что каждый имеет собственную производительность...*» (доктор М. Кнутч, Гельзенкирхен). Анализ формирования системы принудительного труда в современной Германии показывает, что инструменты и практики негативного стимулирования безработных, санкции в отношении уязвимых безработных занимают все большее место в государственном управлении и в контроле. Такая политика вызывает дефицит управленческих решений и увеличивает правовую незащищенность граждан. В ходе немецких реформ выяснилось, что существуют клиенты, которые не поддаются активизации (стимулированию). Для других она принесла лишь дополнительные трудности. Проявление негативных психологических и поведенческих реакций со стороны клиентов служб занятости, таких как страх, беспомощность и противостояние, разрушает доверительные отношения между клиентами и специалистами служб, увеличивает зону «неустойчивой занятости», которая едва ли может в настоящее время считаться «мостом» для включения ищущих работу в регулярные трудовые отношения. Движение в направлении либерализации инструментов регулирования занятости в России приведет к подобным эффектам. Вот история принуждения.

Дмитрий, 39 лет. Уже месяц Дмитрий находился без работы. За это время прошел три собеседования. Работодатели обещали позвонить, но так и не позвонили. «...*Прихожу с улицы, они смотрят на меня, как на ничто. У них таких, как я, целая куча, выбирай не хочу... Последний раз пришел на собеседование, а там на столе личных дел или анкет, как моя, целая куча... Издеваются они там только. Нет бы сразу сказали — не подходите, чтобы точно знать и искать работу дальше...*».

Особо тяжелая ситуация складывается в группах безработных, находящихся в кризисной психосоциальной ситуации. В лучшем случае они могут претендовать на неквалифицированную работу с низкой оплатой труда или работать нелегально. В остальных случаях их судьба остается неизвестной: «*очень тяжелая категория — освободившиеся из мест лишения свободы. Они к нам идут, вот сей-*

час их было очень много, потому что, видимо, была амнистия. Люди разные. Один просидел 25 лет и абсолютно утратил мотивацию к труду, а бывает, ребята молодые, по глупости получили пару лет... Если человек отсидел больше десяти лет, да еще и строгого режима, конечно, к нему нужен особый подход. Работодатели часто отказываются их брать. Что мы можем предложить такому мужчине? Работу грузчика, например... Кто хочет работать, тот устроится... Либо человек хочет получить справку для отчета в надзорные органы, что он зарегистрирован в службе занятости. Мы никому не отказываем. Часто они нарушают сроки регистрации. Если больше месяца человек о себе никаких сведений не заявляет, мы закрываем карточку по длительной неявке — такой регламент» (из интервью с руководителем районного отдела службы занятости, Нижний Новгород).

«Активизация» не может считаться центральной функцией политики регулирования занятости, поскольку действительно нуждающиеся в помощи лица плохо поддаются принуждению или она им только осложняет жизнь. В результате снижается доверие населения к реализуемым программам и выявляется неготовность структур государства к решению такого рода вопросов (в настоящее время отсутствуют необходимые инструменты). Выходом может стать развитие комплексных программ индивидуального сопровождения ищущих работу, в которых наряду с инновациями в управленческой, сетевой работе, учитываются трудовые способности и мотивация самого безработного: «...успех в работе больше зависит от того, как специалист сумеет мотивировать своего безработного, потому что многие люди потеряли уверенность в себе, в том, что они могут трудоустроиться... Может быть, за счет каких-то мероприятий... И у них надежда появляется, они повышают свою самооценку и уже немного по-другому начинают разговаривать с работодателем, как-то трудоустраиваются... Вот такая специфика работы, которую не облечешь в какую-то типовую форму, не назовешь ее никак. Нужен индивидуальный подход как к работодателю, так и к клиенту. Во многом от этого успех зависит. Групповые, психологические консультации — они во всех районах проводятся, но все же такой... индивидуально-творческий подход нашего специалиста играет большую роль...» (Из интервью с руководителем районной службы занятости, Нижний Новгород).

Интуитивно опознанные сотрудниками социальных служб причины трудовой дезинтеграции части трудоспособного населения вследствие невнимания к развитию социального капитала (компетенций, трудовой мотивации, выявления специфических интересов, родственной и сетевой помощи) приводят к нарастанию материальной незащищенности, росту патерналистских ожиданий, инфляции претензий со стороны безработных и населения страны в целом (вследствие признания неэффективности работы социальных служб), раскручиванию необоснованных социальных расходов из-за роста длительной безработицы, повторных и последующих возвращений за пособиями в службу занятости. В ситуации невнимания к потребностям личности, консервации (устаревшей, неадекватной реакции) и нарастающей бюрократизации и диктата государственных служб происходит закрепление гражданской пассивности членов общества, возрастает общественная десолидаризация и усугубляются иные социальные проблемы.

Модернизация нашей страны в направлении построения «нового общества» невозможна без воссоздания / реформирования системы регулирования трудовых отношений с учетом изменений, происходящих в постиндустриальном мире. «Новое общество» в России обязано быть обращено непосредственно к личности, ее потребностям, стилю жизнедеятельности и способам взаимоотношения с окружающей действительностью. Будущее «мира труда» в России связано с необходимостью либерализации, легализации и регулирования новых форм и видов труда и появлением новых гибких инструментов социальной защиты трудящихся и их семей, исключая стигматизацию, эксклюзию и маргинализацию тех, к кому они обращены.

Литература

Сизова И.Л. Модернизация государственности благосостояния в странах Организации экономического сотрудничества и развития (1980–1990 гг.). Н. Новгород: НИСОЦ, 2008.

Сизова И.Л. Модернизация «консервативного государства благосостояния» в сфере социально-трудовых отношений: социологический анализ. Диссертация на соискание степени доктора социологических наук. Н. Новгород, 2009.

Сизова И.Л. Регулирование трудовых отношений в социальном государстве // Социальное государство и инновационное развитие. Материалы научной конференции / Под общ. ред. В.П. Васильева. М.: МГУ, 2010. С. 260–267.

Сизова И.Л. Опыт предоставления социальных услуг ищущим работу в европейских странах // Качество услуг социальной работы. Материалы международной научно-практической конференции. Казань: КГМУ, 2011.

Fruchtman J. Die sozialpolitische Konzeption Putins: Wirtschaftsliberalisierung als Sozialpolitik // Russland Analysen. № 49. 2004. S. 2–5. [<http://www.laender-analysen.de/russland/pdf/Russlandanalysen049.pdf>].

Giddens A. Der dritte Weg. Die Erneuerung der sozialen Demokratie. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1999.

Schmidt Ch. M., Zimmerman K., Fertig M., Kluge J. Perspektiven der Arbeitsmarktpolitik. Internationaler Vergleich und Empfehlungen für Deutschland. Berlin: Springer, 2001.

Struenck Ch. Mit Sicherheit flexibel? Chancen und Risiken neuer Baeschaeftigungsverhaeltnisse. Bonn, 2003.